

МАЛАЯ АКАДЕМИЯ

ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПЕТРА ХУЗАНГАЯ

Однажды я проводила экскурсию по экспозиции «Пушкин и Чувашия» в нашем школьном музее. В ходе экскурсии наткнулась на тот факт, что портрет Хузангая, висящий в музее, подарен семьей поэта. Кроме портрета, в экспозиции есть и его книга с дарственной надписью. В этом году мы отмечаем 200-летие А. С. Пушкина. Я думаю, что из деятелей культуры Чувашии с творчеством Пушкина наиболее тесно был связан народный поэт Петр Хузангай.

Необходимость заимствования чувашскими писателями опыта великой русской литературы XIX века была обусловлена историческими обстоятельствами, задачами, стоящими перед молодой чувашской культурой. Благоприятное влияние творчества А. С. Пушкина на становление и развитие чувашской литературы бесспорно. Оно доказано многими исследованиями. Поэзия классика привлекала внимание писателей, деятелей чувашского искусства всех поколений широтой тематики, многообразием и актуальностью поставленных проблем, реалистичностью и глубиной вхождения в их сущность, гуманизмом и сочувственным отношением к судьбе угнетенных народов России.

Переводы произведений А. С. Пушкина на чувашский язык были известны еще до первой мировой войны. Например, в 1912 году Г. Тихонов — Калгай перевел поэму «Цыганы». Некоторые пушкинские произведения в переводе вошли в «Книгу для классного чтения»

(1907). В 70-х годах XIX века М. Федоров по мотивам стихотворения «Бесы» создал поэму «Леший» (Арсури). Позднее почти все крупные произведения поэта, не говоря о лирических стихотворениях, были переведены на чувашский язык.

Появление бессмертных творений великого поэта на чувашском языке — факт исключительной важности для развития культуры чувашского народа. Петр Хузангай одну из своих статей о переводчиках назвал, пользуясь пушкинской метафорой, «почтовые лошади», где он писал: «Мы с Пушкиным поговорили по чувашски. Пушкин теперь говорит со всем чувашским народом. Пушкин — самый ценный камень для того здания новой социалистической культуры, которое строим мы сами: он должен прочно лечь в его основание и украсить узорами его сияющую вершину». (См. Хузангай П. Мастерство и правда. Чебоксары. 1964. С. 11.)

При переводе «Евгения Онегина» П. Хузангай волновала задача, «чтобы Пушкин звучал на чувашском языке для чувашского читателя так же, как и в оригинале для русского читателя, чтобы при чтении читатель совсем забывал, что он имеет дело с переводом, а не с оригинальным произведением на родном языке, чтобы вся глубина мысли и обаяние поэтических образов великого поэта стали для нашего народа такими же родными, близкими и волнующими, как для русского человека». (См. Уз Чувашия пединститута, вып. 2. Чебоксары.)

сары. 1955. С. 50.) В 1936 г. на Международном конгрессе защиты культуры в Париже экспонировался в журналных публикациях перевод «Евгения Онегина», сделанный Хузангаем. Однако, я думаю, многие не согласятся с тем вопросом, который был задан одной французской газетой по поводу издания «Евгения Онегина» на чувашском языке: «Интересно, во что превратилась поэма Пушкина, такая тонкая по форме и музыкальная по ритму, такая рафинированная, после перевода на по-неволе грубый язык чувашей?» Известно, что к тому времени древний чувашский язык усилиями народа — языковотворца достиг достаточно высокого развития, нормализовался для обслуживания всей диаспоры, национальной школы и культуры. На родном языке воспитывалось уже не первое поколение чувашской интеллигенции, многие из которых успешно работают по сей день в науке, культуре и образовании.

Поэтические портреты, созданные П. Хузангаем, выражают его поэтические убеждения, они национальны и самобытны. В них раскрывается отношение чувашского народа к художественному творчеству, сознание общности идейно-творческих устремлений поэта с передовыми эстетическими идеалами мировой художественной культуры. Поэтические портреты П. Хузангая интересны и многими художественными особенностями.

Как образец поэтического мастерства в жанре стихотворного портрета — обращения, несомненно, выделяется стихотворение «Здравствуй, Пушкин!», написанное в год столетия его гибели.

В этом стихотворении характеристика личности любимого поэта неразрывно сочетается с лирическим выражением отношения автора к нему, с определением его места в современной художественно-литературной жизни, в культурном подъеме чувашского народа. Он признает Пушкина своим учителем:

Я шел с открытою душой поэта,
Не склонный угождать слепой судьбе,

И бремя нес вопросов без ответа,
Как подмастерье мастеру, тебе.

Он благодарит поэта за то, что тот научил его ловить то самое поэтическое слово, которое более всего подходит для выражения своих чувств и мыслей в произведении:

Благодарю тебя за муки слова.
Какая страсть овладевала мной,
Когда я добирался до родного
В иных созвучиях души иной!

О, миг неповторимый просветленья,
Когда, волнуясь, радуясь, скорбя,
Я пионером в дебрях вдохновенья,
Я словотворцем чувствовал себя!

(перевод автора)

П. Хузангай говорит о своем слиянии с Пушкиным, о постижении глубокого смысла его творчества в процессе работы над переводом его произведений. В ряде других стихотворений он передает мысль о неразрывном единстве Пушкина и России. Наиболее ярко эта мысль выражается, на мой взгляд, в следующих строках стихотворения «Пушкин»:

В отчизне ко всему причастен,
Храня ее красу и честь,
Я думаю: какое счастье,
Что у России Пушкин есть!

Одно из лучших своих произведений Хузангай назвал «Моя Россия». Это лирический монолог и раздумье поэта о судьбе своего народа, о своих предках, о людях своего поколения. Примечательно то, что каждому разделу этой поэмы им предпосланы эпиграфы из произведений Пушкина («Буря мглою небо кроет», «Я Пушкин просто, не Мушин», «Понятна мне времен превратность», «Дела давно минувших дней...» и др.).

В поэмах и стихотворениях Хузангай славит дружбу чувашского народа с русским. Его лирический герой полон гордости от сознания того, что он живет в России, что он «солдатом русским был». В познании им России и ее истории Пушкин сыграл огромную роль, и это давало ему право сказать: «Рос —

сию Пушкин мне открыл...», «Он для меня был всей Россией!», «Да, полон Пушкиным я был...» Пушкинские мотивы властно вторгались в поэтический мир Хузангая, оказывали на него сильное влияние, но поэт опасался быть на положении эпигона, потерять свою самостоятельность, свое поэтическое лицо («А иногда мне открывать его том было <...> страшно вато...»). Во многих случаях Пушкин являлся для Хузангая вдохновителем, подсказывавшим темы, поэтические приемы, стилистические манеры. Можно полагать, что «Осенняя застольная» Хузангая (в переводе «Осенние мотивы» (1932) навеяна чтением пушкинского стихотворения «19 октября». Об этом говорят такие внешние признаки, как пятистопный ямб, мелодика, обращение к друзьям и то, как поэт пьет один в честь друзей. Но различие этих двух стихотворений все же очевидно. У Пушкина «19 октября» — воспоминание о лицейских друзьях и их деяниях, прославление лица и своих наставников. П. Хузангай же воспевает человеческую активность, дерзкую мечту человека, труд, упорство: «А счастье не дается нам легко. Его трудом упорным мы добудем!»

«Осенние мотивы» — пример плодотворного освоения Хузангаем классической традиции пушкинского пейзажа. Полнота жизни, которой дышит окружающая природа, сродни мироощущению светлого гения. Впечатления от родной природы вплетаются в образную ткань лирического раздумья, передают его гуманистический смысл:

И если жизнь несется вдале потоком,
Ты будешь воду быстрюю беречь.
Ты скажешь: в русле вечном и глубоко
Всем речкам быть, как медленно ни течь!
Уйдем мы все когда — нибудь из жизни,
Но как прекрасны наши времена!
Плыви! Пусть дальше мчит тебя волна,
Пока не все ты сделал для отчизны!

В ряде стихотворений, созданных в 20-х годах, Хузангай упоминает имя Пушкина, использует его строки в качестве эпиграфа к своим произведениям, нередко переключки с великим

поэтом. Не без влияния Пушкина написаны стихотворения «Уяр та сивё — кун илемлэ!» (1926), «Ёнер кәна тәнче чәпарчә...» (1925), воспевающие творческие деяния человека, радостное восприятие жизни. Их сюжет и некоторые детали напоминают пушкинское «Зимнее утро». Лирический герой, как и в пушкинском произведении, возвращается ясным морозным утром, отправляется на санях на прогулку и приглашает возлюбленную прокатиться вместе с ним.

Пристрастие Хузангая к поэзии Пушкина подтверждает и стихотворение «Сана саватгәм эп. Тен, халь те...» (1928), в котором поэт в качестве эпиграфа использовал слова Пушкина «Я вас любил». Это не перевод, но в нем полностью сохранены строфика, ритмика, мелодика и основные мотивы шедевра пушкинской любовной лирики.

Стихотворение «На родине» (1951) также имеет сходство с пушкинским «Вновь я посетил». Отталкиваясь от пушкинских мотивов, Хузангай вложил в свое произведение совершенно иные мысли. Пушкин помог ему подняться на высоту философского мышления, создать произведение, проникнутое обобщающей мыслью о силе дружбы и любви, о долге человека, неугасимом чувстве Родины, прогрессе человеческого общества.

Знакомство с произведениями русских поэтов, в особенности Пушкина, способствовало, по признанию Хузангая, развитию его эпического дарования. Поэт, обогативший свое лиро-эпическое творчество переводом стихотворений, поэм и романа «Евгений Онегин», создал роман в стихах «Род Аптрамана». В сюжетно-композиционной структуре романа, несомненно, сказалось творческое использование традиций А. С. Пушкина, особенностью романа «Евгений Онегин». Наряду с образами главных героев, как и у Пушкина, в произведении дан образ самого поэта, который раскрывается в лирических отступлениях, в оценке действий и поступков героев романа. Он комментирует поступки героев, выра-

